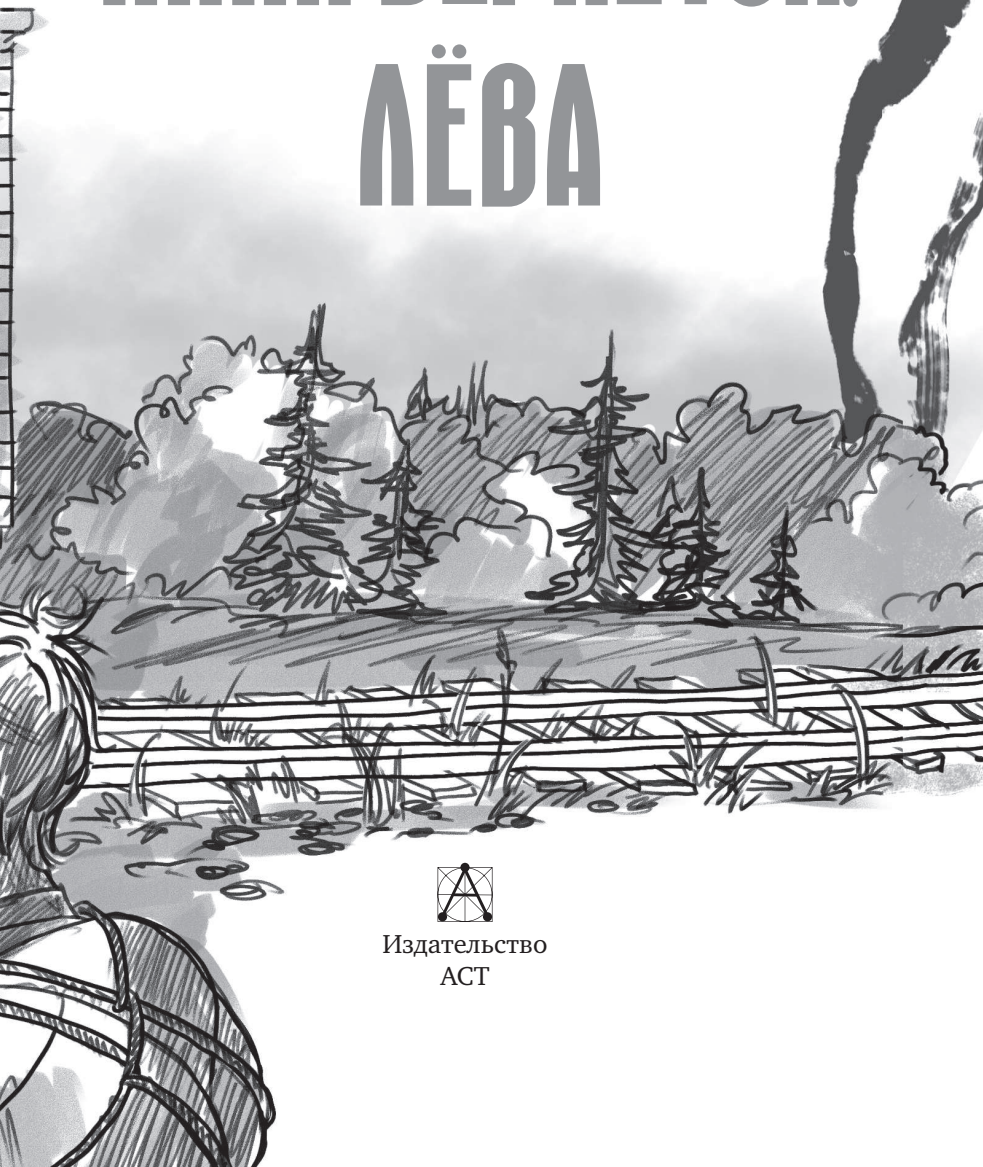

Л. КАНДЫБОВИЧ
ПАПА ВЕРНЁТСЯ.
ЛЁВА

Издательство
АСТ

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К19

Кандыбович, Лилия Викторовна.

К19 Папа вернётся. Лёва / Л. Кандыбович. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 158, [2]с.; ил. — (Моя Родина).

ISBN 978-5-17-178294-8.

Лилия Викторовна Кандыбович — современная писательница, член Союза детских и юношеских писателей, а также почётный работник общего образования и заслуженный учитель РФ.

«Папа вернётся. Лёва» открывает серию книг, которые были написаны автором на основе реальных событий, по воспоминаниям их участников и архивным документам. Лёву и других детей — главных героев этих книг, несмотря на разные города, окружающих людей и разные обстоятельства, продиктованные Великой Отечественной войной, объединяет одно: святая вера ребёнка в то, что папа обязательно вернётся с фронта.

Первое издание книги включено в Единый каталог РКС «Книги памяти и победы. От Великой Отечественной до СВО».

Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кандыбович Л. В., 2026
© Крашенинникова С. А., ил., 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

*Моим родителям и всем детям
войны посвящается*

САМЫЙ ДЛИННЫЙ ДЕНЬ

Лёва лежал на небольшом полотенце, раскинув руки, и рассматривал облака. Тёплый ветер приятно обдувал лицо, а трава щекотала пятки. В детском саду это называлось «принимать воздушные ванны». Как ванна может быть воздушной? Лёва точно знал, что в ванну наливают воду. А тут дети лежат, как огурцы на грядках, и переворачиваются по команде медсестры Янины Станиславовны.

— Повернулись на живот! — скомандовала она. — Вот вернётесь домой в Минск, родители увидят, какие вы загорелые и здоровые!

На животе лежать куда интересней. Можно играть с машинкой, которую папа подарил. Ни у кого нет такой быстрой машины!

— Эй, Лёвка, смотри чего у меня есть, — прошептал Генка и показал Лёве свисток. — Давай меняться!

Лёва взял в руки металлический цилиндр, покрутил, понюхал. Свисток был что надо — большой, блестящий, с дужкой на одном конце и горошиной, выглядывавшей в узком окошечке. Он был совсем настоящий. Как у судьи на футбольном матче. Но машинку было жалко.

— Зачем он мне, — Лёва сделал равнодушное лицо.

— Как зачем? Ночью будешь свистеть, если потеряешься. Правда-правда!

— А тут ночи нет! Как мы с садиком на дачу приехали, так и нет ночи!

— Почему же нам говорят «спокойной ночи», когда спать укладывают? А? — не отступал Генка. — Значит, ночь есть!

— Нет, — стоял на своём Лёва. — Когда мы ложимся спать — за окном светло, когда просыпаемся, опять светло. Темноты нет — значит, и ночи нет.

— А ты у Нинвасильны спроси! Ночь всегда есть!

Услышав громкий спор, к мальчикам подошла воспитательница — высокая, полная, с неизменной улыбкой на лице и добрыми карими глазами.

— Вы чего расшумелись?

— Нинвасильна, ну скажите вы ему, что ночь есть, — заканючил Генка. — А то он говорит: раз светло, то и ночи нет.

— Эх вы, спорщики! — засмеялась воспитательница, поправляя тугой пучок волос на затылке. — Ночи летом короткие. Вот вы их и не замечаете. А сегодня двадцать второе июня, самый длинный день. Всё! Всем подъём, обедать пора!

Дети быстро натянули майки и сандалии. Они уже давно принюхивались к запахам борща и пирогов, доносившимся с кухни. В столовую никто не хотел опоздать. Борщ и каша, конечно, не радовали. А вот молоко с плюшкой — что может быть вкуснее?

Лёва одевался и краем глаза косился на металлический цилиндрик в Генкиной руке. Эх, вот бы папе показать. Папа футбол любит, ему бы свисток точно понравился. А машинку можно потом обратно выменять.

— Ладно уж, давай меняться, — сказал Лёва и протянул другу машинку.

После обеда был тихий час. Это он так назывался тихий. На самом деле спали только малыши. Ребята постарше только

притворялись спящими, а когда воспитательница уходила, начинали шушукаться. Или рассказывать страшные истории. Особенно хорошо получались эти истории у Генки. Он умел говорить замогильным голосом, так низко и глубоко, что по спине бежали мурашки.

Но сегодня всё пошло не так. Как только дежурная воспитательница Нина Васильевна вышла из спальни, за окном раздался громкий женский плач с причитаниями. Обычно в садике плакали только малыши, а тут — взрослая тётенька. Мальчишки вскочили с кроватей и, прикрываясь шторой, выглянули в окно.

Посреди двора стояла повариха баба Зина. Она раскачивалась из стороны в сторону, обхватив голову руками, и голосила так пронзительно и страшно, что у Лёвы похолодела спина, а Генка плотнее прижался к другу.

— Что это с ней? — дрогнувшим голосом спросил Ваня.

Лёва пожал плечами.

Вокруг бабы Зины столпились воспитательницы и нянечки. Нина Васильевна, не мигая, смотрела куда-то вдаль и гладила по голове молоденькую нянечку Лизу, всхли-

пывающую на её плече. Помощница воспитательницы Алевтина прикрыла рот рукой, да так и замерла. По её щекам катились слёзы, но она их не замечала. К собравшимся быстрыми шагами подошла заведующая Мария Петровна.

— Прекрати, дура! Детей перепугаешь. — Она хлётко ударила бабу Зину по лицу.

Та вздрогнула, замолчала, как бы приходя в себя, но продолжала раскачиваться и глухо стонать.

Лёва и Гена переглянулись. Как можно бить бабу Зину? Она же готовит самые вкусные пироги и запеканку и всегда даёт добавку. И тут заведующая произнесла самое страшное слово:

— Война! Но панику нечего разводить, — говорила она строгим голосом. — Скоро погонит немцев Красная армия. И война кончится. А мы должны детей сберечь. И отставить слёзы.

В свои семь лет Лёва уже понимал, что война — это страшно. Он слышал, как о войне говорили взрослые. К войне готовились, но всё же не верили, что это случится. А ещё папа сказал, что всё будет хорошо и бояться не нужно. Или он просто успокаивал?

Дети, столпившиеся возле окон, молчали. Они были похожи на стайку перепуганных воробушков, такие же взъерошенные после сна. В наступившей тишине раздался всхлип Люды Малининой.

— Я хочу к маме, — и Люда заплакала. Тут же начали плакать и другие девочки.

— Хватит реветь, — сказал Лёва каким-то взрослым голосом. — Слышали, что заведующая сказала? Скоро прогонят врагов обратно.

— Я к маме хочу и к сестрёнке. Она в лагере, — плакала пятилетняя Таня. — Маа-мааа!

— У меня тоже сестра в лагере, но я же не плачу, — Лёва попытался успокоить девочку, хотя у самого дрожали губы и щипало в носу. — А мамы за нами скоро приедут. Вот увидишь!

В спальню вошла воспитательница. Девочки с рёвом бросились к ней. Старшие мальчишки с влажными глазами стояли чуть в стороне и изо всех сил старались казаться взрослыми.

— Ну, чего вы? — Нина Васильевна гладила перепуганных детей по стриженным макушкам и разлохматившимся косичкам. Она была такая тёплая, домашняя.

— Вы чего ревёте? — раздался голос Юры. Он сидел на кровати, тёр заспанные глаза и не понимал, что происходит.

— Война началась, Юрик. — Нина Васильевна ответила так спокойно и буднично, словно ничего страшного не случилось. Только глаза у неё были потухшие.

— Ух ты! Настоящая?

— Да. Но всё будет хорошо. Мы победим врага, ведь Красная армия самая сильная! Кто помнит, как мы стихи про армию читали? Кто расскажет?

— А почему баба Зина так кричала?

Воспитательница опала лицом.

— У неё сын на границе служит. В Бресте.

ЭВАКУАЦИЯ

На следующее утро детям казалось, что это был только сон: война, причитающая баба Зина, плачущие воспитатели.

Заведующая Мария Петровна и завхоз дядя Митя ушли в посёлок. В тот день дети не делали зарядку и не принимали воздушные ванны. Малыши как обычно бегали во дворе, лепили куличики в песочнице и ссорились, кому качаться на качелях.

Старшие девочки расположились возле цветника и играли в дочки-матери, готовили кукольную еду из цветов и листочков. А мальчишки носились по двору, размахивая самодельными деревянными мечами.

За беседкой устроились трое друзей. Лёва Карпович жевал толстую соломинку. Он считал себя взрослым, ведь ему ещё зимой исполнилось семь. Оттопыренные уши придавали ему добродушный и немного наивный вид, а прищуренный взгляд выдавал заводилу. Суетливый и непоседливый Генка Мальцев всегда был готов поддержать друга. Характер у него был таким же ершистым, как и волосы, торчавшие на макушке упрямым хохолком. У Генки недавно выпал передний зуб, и он научился мастерски плевать через дырку. Совсем как взрослый. Юра Бусел ему страшно завидовал. Он даже тайком стал раскачивать зуб, чтобы тоже научиться так плеваться. Он был самым младшим, но в шалостях не уступал друзьям. За пухлые щёки с ямочками его прозвали Пончик.

— Знаете что? — Генка наклонил вихрастую голову и с загадочным видом продолжил: — Мы должны помочь Красной армии. Правда-правда!

— Скажешь тоже! Кто тебя в армию возьмёт! — засомневался Юра.

— Это тебя не возьмут, мал ещё, — обиделся Генка. — А мы осенью в школу пойдём. Правда-правда!

— А что? Точно! — загорелся Лёва. — Помните, нам читали книжку. Там, когда и отцы на фронт ушли, и братья ушли, мальчишки всех врагов поубивали. И мы сможем.

— Да ты как увидишь фашиста, так струшишь! — Юра не мог согласиться, что его не возьмут в армию, а друзей возьмут.

— Это я-то струшу? Ещё чего! Я кааак... — Лёва вскочил и с размаху ударил палкой по кусту шиповника. Ароматный розовый цветок подломился и склонил головку.

Откуда-то издали послышались глухие удары. Неужели гроза? Но в небе светило солнце. Ещё удар. Потом ещё и ещё.

Ребята из старшей группы замерли, глядя в небо. Над лагерем с воем пролетели самолёты. Лёва, Юра и Генка выбрались из кустов и, задрвав головы, смотрели в небо. Самолёты летели так низко, что ребята разглядели чёрные кресты на крыльях.

— Немцы! — прошептал Генка.

— Да, против самолётов с палками не повоюешь, — сказал рассудительный Лёва.

К детям бросилась Нина Васильевна. Девочки, побросав кукол, облепили воспитательницу.

— Ох, боже мой! — с ужасом простонала она, прикрывая руками их головы. — Минск бомбят.

Неожиданно всё стихло. Самолёты улетели, и земля перестала содрогаться от далёких взрывов. Но дети всё ещё опасно поглядывали в небо. Там из-за леса чёрным чудовищем расползлся дым.

Из посёлка вернулась заведующая. Она словно постарела за полдня: волосы, стянутые на затылке в плотный пучок, растрепались, под глазами пролегли чёрные тени, а щёки пылали, словно от стыда. Она собрала воспитателей в беседке.

— Завтра нас эвакуируют, — сказала она устало. — Но машин нет и не будет, пойдём пешком до станции. Поэтому собирайте самое необходимое: тёплые вещи, одеяльца, а главное — продукты.

— Но как? А как же наши семьи? Они в Минске остались! Да и малыши не дойдут! — заговорили разом женщины.

— Мужья ваши уже на фронт ушли. Наше дело детей спасти. А как до станции добраться, давайте думать. Это всего семь километров, если через лес идти. За день дойдём.

— У нас есть тачка. Но на неё много не нагрузишь. Только продукты да вещички какие ни есть, — вздохнул завхоз.

— А как быть с малышами? Если испугаются, разбегутся, не соберём!

— Детей построим парами. Старшие дети возьмут за руки младших и поведут. И можно им по небольшому мешочку с провизией дать, за плечи. Хоть сухари, хлеб.

Лёва, Генка и Юра сидели в кустах, прижавшись друг к другу, и боялись дышать. Слушая разговор взрослых, они испуганно переглядывались. Юра прижал ладони ко рту, да так и замер. Когда воспитатели разошлись по делам, ребята стали обсуждать услышанное.

— А что такое «э-ка-ви-руют»? — спросил Генка.

— Может, это прививка такая? Помните, нам делали? — испугался Юра.

— Нет. — Лёва задумчиво почесал затылок. — Мария Петровна говорила, что